

Кремененко Ульяна

11 класс, МУ ДО «Малая академия», г. Краснодар

Рецензия на спектакль «Победа. Реквием»,

Театр Музыки и Поэзии п/р Елены Камбуровой (Москва),

режиссер Иван Поповски

Говорить о спектакле «Победа. Реквием» равнозначно работе плохого переводчика: ты видишь перед собой лицо Истории, обрамлённое узорами отдельной человеческой судьбы, слышишь голос Эпохи, чувствуешь, как вплавается твоё мгновение во что-то огромное и неизмеримое, но сам можешь передать лишь меньшую часть того, что увидел, услышал, почувствовал. Проще говоря, работаешь стенографистом при Вечности.

Но, несмотря на это, всё-таки хочется понять и попробовать выразить в слове то, как устроена Солнечная система этого спектакля, как московскому театру Музыки и Поэзии под управлением Елены Камбуровой удалось поместить в небольшое пространство зала целую вечность.

В «Песне о незнакомом певце» Юрия Энтина есть такие слова:

Переведи, переводчик, слова на язык ночи,

На диалект туч или травы на лугу.

Ну что же ты, переводчик? В глазах твоих многоточье.

Ты этому не обучен? Не можешь? А я могу...

В последней строчке «а я могу» мне слышатся голоса создателей спектакля (а их много: автор идеи – Надежда Гулицкая, режиссёр-постановщик – Иван Поповски, музыкальное решение – Олег Синкин и Александр Марченко,

художники по свету – Владислав Фролов и Антон Литвинов, художник по костюмам – Нина Климовская, художественный руководитель театра – народная артистка России Елена Камбурова). Они сумели перевести театральное действие на язык людей, переживших войну, на диалект песен той эпохи, сумели сотворить особый мир мизансцен, заселённый впоследствии мимикой, жестами, эмоциями, голосами актрис.

Недавнее упоминание Солнечной системы в отношении этого спектакля не случайно. Все персонажи выстроены режиссёром-постановщиком в структуре космического равновесия: есть центр – Солнце – и соединённые с ним невидимой связью планеты, вращающиеся не только вокруг главной звезды, но и вокруг своей оси, то есть имеющие в этой общности, похожести, соединённости – личную, **особенную** судьбу, рассказывающие **свою** историю. И если сразу понятно, что планеты – это семь девушек-невест, то центральный образ, объединяющий в себе все линии сломанных девичьих судеб, раскрывается не сразу.

Самая первая мизансцена, обращающая наши взгляды вверх, подчёркивает неразрывную, вечную связь индивидуального и общечеловеческого, личного и общенародного: актрисы одеты в разноцветно-пёстрые и лёгкие нарядные платья; стоят или сидят в совершенно разных позах, как будто без связи друг с другом; однако объединены высотой и светом молодости, потому что располагаются на балконе и озарены тёплыми пятнами света (это отнюдь не единственное удивительное решение сценографа и осветителя). Более того, на протяжении всего спектакля эта тема продолжит своё развитие, поскольку каждая актриса исполняет несколько индивидуальных партий, завершающихся чаще всего общим многоголосьем. Но пока, в начале, разные истории любви девушек-невест похожи лишь юношеской оторванностью от настоящей жизни, которая темнеет там – внизу. Даже в первой исполняемой ими песне «Вечер на рейде» В.Соловьёва-Седого («Прощай, любимый город...»), содержание которой в действительности трагичное, голоса актрис образуют какое-то светлое соединение, в котором нет

ещё полного осознания надвигающейся беды, нет явного предчувствия того, что предстоящая разлука может оказаться не просто долгой, а вечной. Может быть, оттого, что «вечер опять хороший такой, / Что песен не петь нам нельзя»? В этой системе «солнцем», «центральной звездой» является молодое возвышенное счастье.

Но о каком солнце может идти речь, когда невесты спускаются с балкона вниз, в темноту горя, разлук, лишений, смертей? Этот образ, найденный создателями спектакля, поистине уникален. Объединяющий центр, поддерживающий планеты, которые болезненно-резко сошли с оси счастливой молодости, воплощён в женской фигуре, одетой в чёрные одежды и постепенно, будто с помощью собственного голоса, выдвигающейся из тьмы. Мы, зрители, сначала и не осознаём, как знаком, как по-родному близок нам этот образ, но позже, когда в одной из мизансцен Елена Камбурова, исполняющая эту роль, подходит к могиле солдата, ассоциация сама собою всплывает со дна русской общенародной памяти: женская фигура в чёрных одеждах – это образ Родины-матери, но не той, с призывного плаката И.М.Тоидзе, а той, которую каждый фронтовик свято и трепетно берёт в своём сердце и защищал. Именно такие женские фигуры, но уже «одетые в гранит», склонились ныне памятниками скорби и любви над Вечным Огнём в сотнях русских городов и сёл.

Родная Мать-Земля – её целовали, как целуют любимых, берегли от фашистских сапог, на неё падали, раскинув руки в последнем объятье... Она, как мне кажется, и является ключевой метафорой всего спектакля – смысловым центром, объединяющим и освещающим горе невест. Возможно, в её зрительный и звуковой портрет, воплощённый Еленой Камбуровой, сознательно вложены черты ахматовской «запоздалой весны» («Памяти друга»):

И бабочку с плеча на землю ссадит,

И первый одуванчик распушит...

С той же нежностью, с какой лирический персонаж стихотворения дотрагивается до легкоранимой бабочки, актриса прикасается к плечам скорбящих невест, с той же бережностью ступающей по поляне хрупких одуванчиков Весны проходит мимо героинь, исцеляя их склонённые, даже сгорбленные фигуры от тяжёлой скорби.

Великолепно исполняя такую сложную в музыкальном отношении песню А.Новикова «Эх, дороги», Е.А.Камбурова словно охватывает глубоким, полнзвучным, сильным голосом всю родную многострадальную землю, оглядывает её просторы с неведомой нам высоты, и эта русская сила, сила человеческого духа, вдруг высвеченная в такой известной нам песне, поражает зрителя. Я думаю, музыка способна сохранять самые главные черты уходящих эпох, самое сокровенное, то, что волновало человеческие сердца в те годы, – вот так песня «Эх, дороги» сохранила в себе тревожную, но не сломленную душу, нерушимую веру в победу. И силуэт актрисы, как маяк, мерцающий вдали, подсвечен огромным тёплым лучом, а эффект тумана, поднимающегося от пола и замирающего в ярком свете, создаёт атмосферу хрупкости и – пока ещё – призрачности надежды. Поэтому не только зрители, но и, кажется, главные героини наполняются постепенно этой силой и желанием жить.

Очеловеченный образ родной земли, осторожно и трепетно врачующей и восстанавливающей сломанные, как цветочные стебли, судьбы девушек, находит отражение и в вещественном облике спектакля. Не случайно Иван Поповски, создавший и сценографию спектакля, в композиционный центр каждой из мизансцен, отображающих течение военных лет, помещает дубовый стол... с чёрной землёй. Пространство камерного зала совсем невелико, и земля эта, горестная и любимая, нередко летит едва ли не под ноги зрителям, разрушая невидимую преграду между художественным миром постановки и теми, кто её наблюдает. Земля становится и обеденным столом, на который невесты ставят тарелки (у каждой – одна лишняя); и полосой, засеянной «плодами» войны, – солдатскими сапогами; и тропинкой, в конце которой – ожидаемое и неожиданное

горе; и ахматовской строкой: «но ложимся в неё и становимся ею, / Оттого и зовём так свободно своею».

Поразительна по силе мизансцена «Не хочу, чтоб высохла трава...»(песня «Уходили парни на войну» А.Эшпая), в которой одна из невест (Виктория Тихомирова) замешивает землю, как тесто. Смотришь на эти чёрные комья, рассыпающиеся в женских руках, снова шепчешь ахматовское «и мы мелем, и месим, и крошим / Тот ни в чём не замешанный прах...» и вдруг понимаешь – внутренне и оттого практически невыразимо – **чем** была земля для людей военных лет. Она и питала моральные, внутренние силы человека, как питала когда-то Илью Муромца, вставшего с печи, чтобы защищать Русь, и спасала от голода...

Но, говоря о родной земле, можно ли подразумевать только нашу – русскую, российскую? Спектакль отвечает и на этот вопрос. Режиссёр-постановщик расширил границы художественного пространства, включив в спектакль потрясающую по своей силе мизансцену, которая вновь отсылает нас к строкам Анны Ахматовой:

Свободным и чистым тебя пронесём,

И внукам дадим, и от плена спасём

Навеки!

Это написано о родном языке, «великом русском слове»: сохраним язык – сбережём народ. Но то же самое можно сказать и о любом другом языке. И вот героини спектакля, как прилежные школьницы, сидят за столом, а за их спинами, прислонясь к стене, в полутени, стоит главная героиня – Родина, Мать, Земля. Негромко, мягко, голосом доброго учителя произносит она необычно звучащие слова: «Алеф, бет, гимель, далет...», и мы даже не сразу понимаем, что это. Но известная мелодия Дж.Вильямса и милая детская песенка М.Варшавского «Der alef-beis» («На припечке»), которую Елена Камбурова исполняет на идише, вызывают совершенно однозначную ассоциацию: кинофильм «Список

Шиндлера», пронзительная сцена с девочкой в красном пальтишке... Актрисы сначала шепчут, потом произносят громко, а потом кричат всё те же «алеф, бет, гимель...» – буквы древнееврейского алфавита.

Так одна из самых тяжёлых страниц всемирной истории воплощена Иваном Поповски в этой короткой мизансцене. В спектакле высветилась (пускай и мрачным, но необходимым светом) проблема холокоста, о которой не решаются говорить многие режиссёры (и понятно почему: как сказать о таком – правильно, искренне, глубоко?). Но главное – даже не в этом. Произнося буквы родного алфавита, как молитву, как гимн, как боевой призыв, похожий на поднятие щита, человек, будь то еврей или русский, обретает нравственную опору, смысл для продолжения борьбы. А смысл этот – в сохранении языка, ведь, если жив язык, значит, жив и не порабощён народ.

Все эти поразительные сценографические находки вплетены в звуковой образ спектакля – в музыкально-песенную цепочку. Ведь за полтора часа героини не произносят **ни одной** реплики – они поют. Хрустальные сопрано, нежные меццо-сопрано, бархатные контральто звучат то соло, то в дуэте, то в ансамбле, сливаясь в единый, чистый и высокий, Голос женской судьбы. И мелодии военных и послевоенных лет подобраны и аранжированы Олегом Синкиным так, что составляют единый сюжет: от проводов солдат на фронт («Прощай, любимый город») до встречи первой мирной весны («Там, где была война»). Однако все события, все сюжетные вехи песенной линии, надежда («Нежность») и глубокое, полубезумное горе (русские народные частушки в отчаянно-звонком исполнении Татьяны Пыхониной) всё это непомерным грузом ложится на плечи русских женщин. В спектакле нет ни одного мужчины (мы слышим мужской голос только в записи, он читает отрывки из подлинных фронтовых писем), и это тоже – яркий штрих. Создатели постановки изобразили крупным планом Победу: не только фронтовую, но и ту, которую одерживали день за днём женщины в тылу – победу в борьбе за сохранение родной земли, дома, в который должны возвратиться солдаты.

Может быть, именно поэтому самая известная песня военных лет «Катюша» М.Блантера звучит не в привычном маршеобразном ритме, а в новой музыкальной обработке, приближающей её к молитвенному песнопению (и вновь – удивительное музыкальное открытие: ведь эта песня не о «бойце на дальнем пограничье», который «землю бережёт родную», а прежде всего – о Катюше, да, о Катюше, сберегающей любовь!) Девушки, стоящие в этот момент на балконе, напоминают ангелов, молящихся в светлом многоголосье о «всех кораблях, ушедших в море, / О всех, забывших радость свою». Впоследствии этот образ развивается – невесты стоят уже на столе, засыпанном землёй, вздымают вверх руки, окутанные белыми накидками, похожими на крылья, и преобразуются в тех самых лётчиц, которые «стали небом, стали облаками» («Баллада о военных лётчицах» Е.Крылатова).

Голос каждой актрисы, исполняющей роль невесты, индивидуален не только по естественным причинам, но и с точки зрения характера исполняемых ими песен. Зритель буквально и видит, и слышит, и чувствует, как вышивается индивидуальная человеческая судьба по канве судьбы общей, исторической. Говоря об этом, нельзя не сказать о работе художника по костюмам Нины Климовской, поскольку костюмы так же тесно связаны с этой смысловой линией спектакля. Свадебные наряды, созданные художником и воплощённые костюмерами, сначала кажутся одинаковыми (потому что все – сияюще-белые), но, как и к характерам, раскрывающимся не сразу, а как бы выплывающим из темноты лет, постепенно начинаешь к ним приглядываться и многое понимаешь. Все платья абсолютно разные: свободные или приталенные, с пышными рукавами-«фонариками» или с открытыми плечами, с традиционной фатой, скромным веночком или с элегантной шляпкой модного фасона. Это отлично видно, когда невесты сидят за столом, накрытым белой скатертью, и исполняют песню-прощание «Рябины» В.Гаврилина. Перед ними – непонятная ещё, не исписанная почерком событий, но уже пугающая белизной похоронного савана судьба. А на них – белые платья, воплощающие зрительно личную судьбу

каждой. И платья не просто разные, они подчёркивают (именно через разноликость) масштабность происходящего: война собрала девушек городских и деревенских, простых и утончённых, с разными семейными традициями, миропониманием, самосознанием. Но вскоре эти наряды обретают единую черту, исчезают красивые украшения на волосах, «завешивается» уникальность каждого платья – плечи покрывает вдовий платок. Теперь невесты неразрывно, навсегда соединены общим горем, общей скорбью.

Всё, что происходит после этого, вновь крепко связывается ахматовским контекстом, поэтическим голосом современника войны:

И та, что сегодня прощается с милым,

Пусть боль свою в силу она переплавит... («Клятва»)

И действительно – переплавляют. Одна из таких переломных, переплавляющих композиций – «Песенка о пехоте» в исполнении Елены Камбуровой. В ней – горькая, даже страшная ирония: «Простите пехоте, что так неразумна бывает она...». А точнее – это то, что ожидает услышать зритель, подсознательно представляющий себе исполнителя-мужчину и гитарное сопровождение. Но строки Булата Окуджавы преломляются сквозь женский голос, сквозь ставшие вдруг сопровождающими музыкальными инструментами голоса всех актрис. Происходит наращивание новых смыслов: просит прощения не сама пехота, а земля, которую эта пехота идёт защищать, и просит у девушек, у «бушующей весны» молодости и любви. Вновь появляется отзвук ахматовского слова, и вскоре понимаешь, какого и почему. Родная земля, сострадавшая этой пехоте «незатейливых парнишек» (стихотворение «Победителям») и одновременно гордясь ею, выводит словно между строк:

Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, –

Внуки, братики, сыновья!

Благодаря им за «неразумность», за жертвенность, она и жалеет, и успокаивает. А когда Елена Камбурова как бы протягивает всеобъемлющее слово «весна», многоголосье, сопровождающее её, звучит громче и сливается в единую, многогранную и многозвучную гармонию, в весеннюю полноту жизни, словно показывая, чего «пехота» оказалась лишена.

Помимо этого, высвечивается в песне и женский облик, женский голос. «Товарищ мужчина, а всё же заманчива должность твоя: / Всегда ты в походе...» В исполнении самого Булата Окуджавы это – о друзьях-однополчанах, боевых товарищах, которые понимают друг друга с полуслова. Но, когда эти слова произносит женщина, они могли бы показаться даже упрёком, если бы не «вросли» в контекст всего спектакля. Это – женский ответ, это – понимание и прощение... Ибо «есть такая профессия – Родину защищать».

Несмотря на известность выбранных для спектакля песен и на то, что оригинальные исполнения многих из них нам знакомы с детства, не возникает никакого диссонанса между ожидаемым и слышимым в действительности, не возникает ощущения того, что та или иная песня является переложением на новый, современный голос. Мастерство исполнительниц и аранжировщиков музыки настолько велико, что им удаётся в точности воссоздать голоса той эпохи, с их особенным, искренним и, как казалось до этого, невозвратимым звучанием.

Этот спектакль действительно и Реквием, и Победа. Не через тире, не через запятую, не «реквием по победе», а, как и указано создателями, отдельно, через точку. В спектакле, как и в той войне, которую пережили люди, равнозначны и горе потерь, и радость победы.

А ещё это победа над сознанием современного человека, всё больше боящегося серьёзных слов и тяжёлых воспоминаний о войне. И в каком-то смысле – реквием по ушедшей музыкальной эпохе, в которую песня способна была объединить миллионы людей. Но – победа самой песни над временем.

И «соловьи, соловьи» – ах, как неожиданно звучат их живые, настоящие трели в самом конце спектакля... Соловьи, поющие новую жизнь, радость существования и счастье будущих невест, которые не получают извещения о смерти своих любимых, убитых на войне. Не получают потому, что те, другие невесты далёких лет, сберегли и любовь, и счастье, и родную землю.